

Глава 39. Обитель праздности (часть первая)

Свадебное торжество, на котором гости три дня и три ночи пили и ели от души, наконец-то завершилось. За исключением самих новобрачных, все игроки вернулись в исходные точки. Лянь Уцзю со вздохом поспешил от портала обратно к чайной лавке, однако, добравшись туда, обнаружил лишь пустоту — его спутники уже ушли.

— Уважаемый, ваши друзья оставили для вас письмо, — трактирный слуга протянул Лянь Уцзю сложенный вдвое листок.

На бумаге красовалась короткая приписка: «Мы вышли в реал. Поиграй пока один. Как вернемся, сразу тебя найдем». Снизу стояла подпись: Су Линцзюнь.

Лянь Уцзю вздохнул и спрятал записку. Он уселся у окна, лениво разглядывая раскинувшуюся внизу улицу. Его одолела невыносимая скука — он решительно не понимал, чем себя занять.

Вдруг издалека донеслись мелодичные звуки музыки. Лянь Уцзю из любопытства выглянул в окно. Прохожие на улице тоже начали останавливаться, вытягивая шеи. Когда оркестр приблизился, стало понятно, что это целая процессия музыкантов с духовыми инструментами. Странная мелодия не казалась ни праздничной, ни траурной — трудно было угадать, по какому случаю они играют.

За музыкантами следовал длинный ряд легких паланкинов — на первый взгляд совершенно одинаковых. Но Лянь Уцзю сидел высоко, поэтому сразу заметил разницу: крышу каждого паланкина венчал круглый помпон, похожий на цветочный шар, причем у каждого своего цвета. Похоже, это и было их единственным отличием, указывающим на разный статус тех, кто находился внутри. Процессия быстро миновала чайную, и часть толпы устремилась следом. Делать ему было решительно нечего, поэтому он спустился вниз и пристроился в хвост процессии. Поглазеть на что-нибудь интересное он всегда любил.

Длинная кавалькада долго петляла по переулкам столицы и наконец остановилась у входа в один из кварталов. Дорогу туда преграждала величественная арка-пайлоу с надписью: «Обитель праздности».

Пройдя под аркой, юноша оказался на улице, застроенной аккуратными рядами совершенно одинаковых роскошных теремов. Несмотря на разгар дня, здесь вовсю горели яркие фонари. Музыка смолкла, и под нетерпеливые возгласы собравшихся занавеси паланкинов начали медленно раздвигаться...

— Ого... Сколько же здесь красавиц! — раздались восторженные вздохи из толпы.

Лянь Уцзю тоже замер, глядя на пестрое сборище прелестниц. Неудивительно, что паланкины казались такими тяжелыми: в каждом сидело по две девушки. Теперь, когда они все вышли наружу, перед толпой предстало больше двадцати настоящих красавиц, одна краше другой.

Девушки кокетливо поглядывали на разинувших рты мужчин, негромко смеялись и лениво обмахивались веерами. По улице разлился тонкий цветочный аромат. Лянь Уцзю и опомниться не успел, как оказался точно в таком же положении, что и все остальные мужчины: в уютных женских покоех, в объятиях нежной красавицы, с кубком вина в руке...

Они и не подозревали, что подобное представление разыгрывалось не только в столице. Во всех крупных городах в то же самое время по улицам торжественно везли паланкины, прелестницы расточали чарующие ароматы, а простодушные мужчины толпами устремлялись в их будуары...

На следующий день Су Линцзюнь и его спутники вошли в игру. Как и многие другие, они сразу же направились к месту скопления прелестниц. Толпа там бурлила пестрая: мужчины и женщины, старики и дети. И лица у всех выражали самые разные эмоции: одни яростно ругались, другие прыскали в кулак, третьи отпускали едкие шуточки, а четвертые требовали вернуть долги...

Су Линцзюнь принадлежал как раз к первой категории — тех, кто исходил яростной бранью. Да Данцзя тихонько посмеивался, прикрывая рот ладонью, а малыш Золотой Отрок лишь растерянно хлопал глазами, ничего не понимая.

Как только они ступили на территорию Обители праздности, им в лицо ударил густой, приторный запах пудры и благовоний. Су Линцзюнь тут же бесцеремонно спихнул Золотого Отрока на Да Данцзя, строго-настрого запретив мелкому соваться внутрь.

Шагая вглубь квартала в одиночку, Су Линцзюнь то и дело натывался на живописные картины. То один, то целая компания игроков уводили за собой какого-нибудь бедолагу, который стыдливо прикрывался, оставшись в одних исподних штанах. Сопровождающие либо костерили «похотливого» дурака на чем свет стоит, либо покатывались со смеху, заставляя несчастного сгорать от стыда. Он мрачнел, и в нем закипала злость.

Наконец он замер. Тот, кого он искал, нашелся!

Перед ним раскинулся просторный круглый помост, способный вместить добрую тысячу человек. Зажатая между высокими теремами, эта эстрада возвышалась над мостовой, напоминая витрину для какого-то диковинного товара. И сейчас она ломилась от людей. Точнее, от мужчин! Полуголых мужчин в одних семейных трусах... Хотя нет, кое-кто умудрился лишиться даже исподнего. Эти несчастные сжались в комочки, обхватив руками головы и пытаясь уползти подальше от чужих глаз, словно напуганные черепахи.

Поначалу Су Линцзюнь едва сдерживал гнев, но при виде этого зрелища ему захотелось расхохотаться. Он с трудом сохранил серьезное выражение лица, понимая: если он сейчас прыснет, один конкретный простофиля точно сгорит со стыда и разрыдается.

Этот самый простофиля сидел на корточках в самом дальнем углу, пытаясь укрыться за чужими спинами, но Су Линцзюнь мгновенно его вычислил.

— Ну ты и опозорился, блин! Ха-ха-ха, я сейчас лопну от смеха! На форуме твоя рожа во всех ракурсах красуется, это просто шедевр... Хе-хе, цени мою доброту, я ведь притащил тебе шмотки. С тебя приличный ужин в ресторане! — глумился какой-то парень, пришедший выручать своего незадачливого приятеля.

Пострадавший поспешно натягивал протянутые вещи, огрызаясь сквозь зубы и матерясь на чем свет стоит. Кое-как одевшись, он поспешил убраться прочь.

А вот тем игрокам, за которыми пришли их спутницы жизни, везло куда меньше. Непонятно было, сочувствуют ли им эти дамы или просто пришли поиздеваться, но их презрительное молчание ранило сильнее любых слов. Мужчины готовы были сквозь землю провалиться от стыда.

Чуть поодаль разыгрывалась настоящая драма. Молодая особа, утирая слезы, закатила грандиозный скандал своему ненаглядному.

— Когда я просила купить мне цветы — у тебя не было денег! Просила платье — снова ныл, что на мели! А как шлаться по борделям, так сразу средства нашлись?! Ты хоть представляешь, как надо мной теперь подруги измываться будут?! За кого ты меня держишь?! Всё, между нами всё кончено!

Развернувшись, разгневанная девица собралась уходить, но парень в отчаянии взмолился.

— Стой! Уходишь — бог с тобой, но хоть шмотки какие-нибудь оставь! По старой дружбе, умоляю! Я всё верну, честное слово, до последнего медяка!

Она обернулась и язвительно усмехнулась.

— Ладно! Возвращать ничего не надо!

С этими словами она выхватила из инвентаря сверток и с силой запустила им в парня, после чего гордо удалилась.

Тот с благодарностью поймал одежду, развернул ее и тут же испустил раненый вопль.

— Ах ты ж стерва! Нахрена мне женское платье?!

Вся площадь, включая Су Линцзюня, покатила со смеху. Не смеялись только сидевшие на помосте — им было не до веселья. Они лишь плотнее вжимали головы в плечи, мечтая стать

невидимыми.

За некоторым пришли пожилые люди — судя по всему, игроки-туристы пенсионного возраста, приходившиеся этим балбесам родителями, а то и дедушками с бабушками. Естественно, без хорошей взбучки не обошлось. Но все-таки родная кровь: поворчав для порядка, старики сжалились, одели горе-родственников и увели домой.

Кое-кого явились выручать младшие братишки лет десяти. Опозориться перед сопливой детворой — это, пожалуй, был самый сокрушительный удар по мужскому самолюбию.

— Тебя вообще кто сюда звал?! — багровея от злости, прикрикнул один из горе-любовников на пацана.

Мальчишка за словом в карман не полез.

— Да сдался ты мне! Но если твоя голая задница повисит на форуме еще пару часов, мне тоже во дворе показаться стыдно будет!

— Щегол, ты как с братом разговариваешь?!

— А как еще с тобой говорить? Шмотки брать будешь? Если нет, я их вон тому дяде отдам!

— Только попробуй! А ну гони сюда!

Собственно, на большинстве парней все-таки оставались трусы-боксеры, и в обычной ситуации в виртуальном мире этим никого бы не удивил — публика здесь привыкла и не к такому. Но загвоздка была в контексте: выйди ты сейчас в таком виде за ворота Обители праздности, и любой встречный сразу поймет, что тебя до нитки обобрали коварные куртизанки. Позор на всю оставшуюся жизнь гарантирован.

Толпа на помосте постепенно редела. Когда осталась от силы треть пострадавших, спрятаться Лянь Уцзю стало решительно негде. Он уже давно заметил стоящего внизу Су Линцзюня, но упорно делал вид, будто безумно занят рисованием невидимых кругов на пыльных досках.

Су Линцзюнь со вздохом подошел к самому краю платформы.

— Ну и долго ты собираешься тут торчать? На ПМЖ решил остаться?

Лянь Уцзю промолчал, продолжая упрямо ковырять пол.

Су Линцзюнь демонстративно откашлялся.

— Считаю своим долгом предупредить: вы все тут лишились не только золота, шмоток и гордости. Дело куда серьезнее. Каждая лишняя минута на этом подиуме продлевает трансляцию ваших физиономий на официальном форуме. Причем там висят сочные, сверхчеткие портреты. Тот, кто одевается и уходит, из списка удаляется. Разумеется, за всем этим стоят те самые милые дамы из борделя... Ну так что, Уцзю, идем? Или попозировешь еще немного?

Лянь Уцзю даже пикнуть не успел, как оставшиеся на помосте бедолаги, услышав про форум, в панике повскакивали с мест, лихорадочно соображая, где раздобыть хоть какую-то одежду.

Юноша помялся еще секунду, но затем подскочил, вырвал из рук друга сверток с одеждой и натянул вещи прямо на ходу, после чего спрыгнул с помоста.

— Братуха! Братишка, стой! — раздался за их спинами истошный, полный отчаяния вопль.

Оба обернулись. На них уставился зарёванный парень, на котором не было буквально ничего.

— М-да, негусто... — ухмыльнулся Су Линцзюнь, не упустив возможности съязвить при виде чужой наготы.

Судя по голосу, парень был совсем юн — возможно, даже моложе Лянь Уцзю. От слов Су Линцзюня он залился пунцовой краской, прикрыл причинное место руками и, согнувшись, жалобно пропищал.

— Слышь... выручи, а? Одолжи какой-нибудь прикид. Я верну деньги, честно, при первой же возможности!

Су Линцзюнь, чье лицо все еще озаряла ехидная улыбка, полюбопытствовал.

— А трусы-то куда делись? Тебя что, и их лишили?

Парень зло сплюнул.

— Да нищевродом обозвали, суки!

Схема у местных жриц любви была отработана до мелочей: гостей обирали до нитки. Но если у бедолаги в карманах свистел ветер и поживиться было решительно нечем, его раздевали полностью в наказание за обман. Поговаривали, что одного несчастного, у которого не нашлось ни единой медной монетки, куртизанки приказали вышибалам покалечить — выкрутить руки и голышом выбросить прямо на мостовую, даже на помост не пустили...

Су Линцзюнь с завидным хладнокровием извлек из инвентаря аккуратно сложенный комплект

одежды и неторопливо произнес.

— Один золотой. Берешь?

Парень вытаращил глаза и шумно выдохнул.

— Ну ты и барыга! За один золотой можно десяток таких комплектов взять! Ладно, давай сюда... Мой ник — Верни мою настоятельную. Долг верну, как только пересечемся!

Кое-как натянув штаны и рубаху, он пулей припустил к выходу.

Стоило уйти одному, как вокруг Су Линцзюня мгновенно образовалась плотная толпа страждущих.

— Братан, продай шмотки! Любые деньги плачу, только выручи!

— Да я бы с радостью... — Су Линцзюнь картинно нахмурился, изображая крайнюю озабоченность. — Но у меня осталось всего три комплекта. Кому отдавать-то?

— Мне! Мне продай, два золотых даю!

— Какое два, я за три заберу!

— Десять! Десять золотых, гони сюда!

— Двадцать! Даю двадцать!

— Двадцать пять!

В итоге Су Линцзюнь с глубоким удовлетворением рассовал золото по карманам и раздал дефицитный товар. Выяснилось, что в его закромах пылились вовсе не три комплекта, а целых пять. Мало того, он умудрился раздеть даже Да Данцзя, реквизируя у того еще три запасных наряда. В общей сложности этот предприимчивый делец сбыл с рук восемь комплектов одежды, причем каждый ушел по цене не ниже двадцати пяти золотых монет!

Добавив всех щедрых покупателей во временные друзья и аккуратно зафиксировав долги в игровом журнале, Су Линцзюнь, наконец, схватил за плечо насупившегося Лянь Уцзю и повел его прочь из этого злачного места.